

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОМ ХАРАКТЕРЕ АНТИФАШИСТСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ В ПОЛЬШЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ВАРШАВСКОГО ВОССТАНИЯ 1944 ГОДА

© 2018 г. А.Ф. Носкова¹, Б.В. Носов^{2*}

¹Д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН

²Д-р ист. наук, зав. отделом Института славяноведения РАН

E-mail: bnossov@mail.ru

Статья посвящена критическому анализу современной российской историографии антифашистского движения Сопротивления в Польше в годы Второй мировой войны и Варшавского восстания 1944 г. на примере новейшей монографии В.С. Парсадановой.

The article suggests a critical analysis of the modern Russian historiography of the anti-fascist resistance movement in Poland during World War Two and the Warsaw Uprising of 1944 on the example of the recent monographic work of Valentina Parsadanova.

Ключевые слова: Вторая мировая война, движение Сопротивления в Польше, Армия крайова, Армия людова, Варшавское восстание.

Keywords: World War Two, Resistance movement in Poland, The Home Army, The People's Army, the Warsaw Uprising.

DOI: 10.31857/S0869544X0003674-4

За 70 с лишним лет, истекших после окончания Второй мировой войны, истории антифашистского сопротивления в Польше посвящена практически необъятная литература от публикаций исторических документов и воспоминаний участников – до огромного массива публицистики всех политических направлений и самого разнообразного характера. Разумеется, первое место принадлежит польским работам, однако в немалом количестве они появились и в большинстве других стран Европы, Америки и даже в Австралии. Только профессиональная историография проблемы насчитывает тысячи названий, что само по себе уже свидетельствует об интенсивности научной дискуссии по проблемам истории польского движения Сопротивления.

Вместе с тем в отечественной историографии эта тема затрагивалась преимущественно в обобщающих работах, например [1], и не получила достаточного монографического изучения. В полной мере это относится и к истории Варшавского

восстания, о котором, наряду с обобщающими трудами, опубликован ряд статей, прежде всего, статья Н.В. Васильевой [2]. Можно указать и на ряд публикаций В.М. Мельтюхова о позиции СССР по отношению к Варшавскому восстанию и о военно-стратегическом положении и оперативной ситуации на советско-германском фронте летом 1944 г. Следует также упомянуть вышедшие недавно из печати тома трехтомного сборника опубликованных документов из советских и польских архивов по истории восстания [3]. В нем публикуемые исторические источники выступают в органическом единстве с подготовленными А.Ф. Носковой научным введением «Варшавское восстание 1944 г.: замысел и итоги» [3. Т. 2. Ч. 1. С. 5–42] и комментариями к публикуемым документам. В целом они заключают в себе концепцию монографического исследования, его содержательную и проблемную структуру.

Однако даже с учетом всех этих публикаций вышедшая из печати в середине 2018 г. двухтомная работа В.С. Парсадановой [4] по праву на многие годы, если не десятилетия, может быть отнесена к числу фундаментальных российских монографий по истории Польши. Монография впервые в отечественной исторической науке посвящена истории польского движения Сопротивления в годы Второй мировой войны и во многом ставшему символом этого движения и одной из наиболее ярких и трагических страниц его истории — Варшавскому восстанию 1944 г.

Тема Польши в годы Второй мировой войны была центральной на протяжении более полувековой научной работы автора. В конце 1980-х годов были открыты для ученых недоступные ранее архивные фонды, предоставлены широкие возможности исследований по «закрытым» ранее темам. В это время публикуются статьи Парсадановой по истории советско-польских отношений кануна и начала Второй мировой войны [5–6]. С тех пор ей также принадлежит приоритет в историческом изучении трагического «Катынского дела» [7].

На рубеже 1980–1990-х годов, В.С. Парсаданова начала работу над книгой о Варшавском восстании. По разным причинам, иногда не зависевшим от автора, она прерывалась и была завершена только в прошлом году, однако эта тема и названный труд неизменно оставались в ее поле зрения. К сожалению, в отдельных технических аспектах вышедшая из печати книга несет на себе следы некоторых недосказанностей и недоработок, что иногда случается с трудами, над которыми авторы работали не одно десятилетие.

Книга «Варшавское восстание 1944 г.» стала ответом В.С. Парсадановой на многие дискуссионные вопросы, напряженно обсуждавшиеся историками на протяжении прошедшего тридцатилетия. В этом смысле она отражает не только индивидуальную позицию автора, но и представляет собой интегрированное критическое воплощение подходов, воззрений, концепций и научного вклада многих отечественных и зарубежных (прежде всего польских) исследователей истории Польши периода Второй мировой войны. Каждая из затронутых В.С. Парсадановой проблем, даже вопросы второго и третьего плана, имеют богатейшую историографию, поэтому автору, ввиду ограниченного объема монографии, вынужденно пришлось отказаться от описания и анализа историографии, ограничившись лишь отдельными полемическими замечаниями.

«Основное внимание в работе, — пишет Парсаданова, — уделено процессу формирования и развития двух противостоявших направлений в движении Сопротивления. Особый упор будет сделан на события 1944 г., когда решались судьбы Польши» [4. Ч. 1. С. 4]. Хронологические рамки исследования охватывают период от сентября 1939 г., когда, согласно концепции автора, зарождается антифашистское польское Сопротивление, завершается — событиями 1945 г., освобождением Красной армией в январе Варшавы и далее всех польских земель, в том числе отхо-

дивших к Польше восточных районов довоенной Германии. Эти события кардинально изменили как внешние политические условия действий движения Сопротивления, так и внутреннюю ситуацию, статус и задачи самих польских антифашистских организаций. Особое место в книге занимает заключительный раздел пятой главы, посвященный политике СССР, добившегося международного признания дружественной ему Польши [4. Ч. 2. С. 197–214]. Отметим имеющееся в книге и весьма важное специальное Приложение «Проблема Армии крайовой и ее разрешение (1945–1958 гг.)» [4. Ч. 2. С. 228–275].

Событиям 1944 г. в книге посвящена пятая глава, которая составляет практически целиком вторую часть издания. Первые четыре главы носят, условно говоря, вводный характер. Первая глава охватывает период от нападения гитлеровцев на Польшу и до начала нацистской агрессии против СССР. Вторая посвящена подьему антифашистской борьбы в оккупированной Польше и формированию организационной военной и политической структуры политически не единого антигитлеровского движения Сопротивления (до весны 1943 г.). В третьей главе рассматриваются вопросы оформления основных социально-политических лагерей движения Сопротивления в период коренного перелома в ходе Второй мировой войны вплоть до лета 1944 г. и кануна Варшавского восстания. Четвертая глава посвящена польскому вопросу на международной арене и позиции польской эмиграции в СССР в отношении польского Сопротивления в период до 17 июля 1944 г., когда Красная армия вступила с антифашистской освободительной миссией на территорию Польши.

Как отмечено во введении, главное внимание автора направлено на социально-политические аспекты истории польского Сопротивления. Определенные противоречия в этой области, как показала Парсаданова, начали проявляться еще в конце 1939 — в начале 1941 г. По данным польского правительства и немецких оккупационных властей на занятых фашистами территориях довоенной Польши наряду с силами, продолжавшими партизанскую борьбу под знаменем восстановления прежней Польской республики, создавались при поддержке СССР иные подпольные антифашистские группы [4. Ч. 1. С. 55], что, заметим, вызвало резко негативную реакцию «польского» Лондона. Это наблюдение автора имеет принципиальное значение, поскольку с самого начала гитлеровской оккупации Польши в польском антифашистском Сопротивлении зарождалось внутреннее противоречие, ставшее со временем противостоянием двух военно-политических лагерей, и разворачивалась борьба за будущий социально-политический облик страны. В условиях войны и оккупации это находило свое проявление, прежде всего, в отношении к СССР. При чем очевидно, что в условиях довоенных 1940–1941 годов у СССР не было реальной возможности, так сказать, ни экспортировать человеческий потенциал в польское движение Сопротивления, ни предлагать ему тем или иным способом социально-политическую программу антифашистской борьбы и тем более свою модель послевоенного устройства страны. Иными словами, левое направление движения Сопротивления в Польше, и здесь следует согласиться с автором монографии, сформировалось и развивалось на польской почве как польское национально-освободительное движение, хотя оно, разумеется, и находило поддержку со стороны СССР.

Тенденция политического размежевания правых и левых сил в среде польского Сопротивления на оккупированных польских землях усилилась после нападения фашистской Германии на СССР и восстановления межправительственных советско-польских отношений с находившимися в Лондоне польскими властями. В этой связи важно отметить констатацию автора, что вопреки солидарному антисоветскому курсу этого правительства и всех действовавших в Великобритании польских политиков, в самой Польше руководители организации «Польские социалисты»,

игравшей в 1941–1942 гг. заметную роль в подчиненном правительству Сопротивлении на оккупированных польских землях, не разделяли политической программы правительства. Они «не взяли на себя никаких обязательств на послевоенное время, но в условиях войны, когда наметились демократические проявления в политике правительства (имеется в виду его Соглашение с СССР о восстановлении отношений и взаимодействии в войне. — *А.Н., Б.Н.*), они считали, что необходимо поддержать его “просоветскую политику”» [4. Ч. 1. С. 67]. Тем самым В.С. Парсаданова обоснованно связала зарождение на оккупированных польских территориях внутри пролондонского лагеря Сопротивления уже в первые годы войны и на основе отношения к СССР — левой и правой тенденций, причем без видимого вмешательства с советской стороны.

По мнению автора монографии, на положение дел в правом лагере Сопротивления тогда же оказывал влияние процесс формирования массовой подпольной военной организации — Армии крайовой, которая, согласно оценке В.С. Парсадановой, «из организации интеллигентско-мелкобуржуазной, городской превратилась в организацию, имевшую опору как в городе, так и в деревне» [4. Ч. 1. С. 124]. Применение автором в данном случае классовых критериев является явно необоснованным, ибо речь идет не о классовом характере организации, а о социальном составе ее участников. Вначале среди них действительно преобладали выходцы из высших и средних слоев городского населения, в первую очередь из генералитета и офицерского состава довоенной армии, в том числе и офицеров, призванных из запаса в сентябре 1939 г. Однако по мере развития подпольного движения в АК вовлекались и представители патриотически настроенных трудящихся низов городских жителей и сельского населения, а также демократически настроенных младших офицеров и солдат армии межвоенной Польши.

Однако высшие командные должности в АК всегда принадлежали генералитету и старшему офицерству Войска польского — сторонникам, как правило, маршала Ю. Пилсудского — людям, идейно и политически связанным с режимом санации и настроенным антидемократически и антисоветски. Верно подмечен автором книги и рост численности в составе АК офицеров, направлявшихся эмигрантскими политическими кругами из Лондона. Они оказывали решающее влияние на руководство организации и на все ориентировавшиеся на Лондон подпольные структуры. Таким образом, в социально-политическом плане АК провозглашала себя преемницей режима, правившего в Польше после переворота 1926 г.

Принципиальным вопросом истории Армии крайовой представляется проблема ее численности. Разумеется, любой статистике времени войны и тем более в условиях жестокого гитлеровского оккупационного режима присущи высшая степень уязвимости и низший порог достоверности. В историографии АК единодушно характеризуется как массовая организация, в рядах которой значились, по польским данным, от 250 до 350–400 тыс. человек. Такое расхождение данных уже говорит об известной субъективности и произвольности оценок такого рода. При этом все исследователи отмечают, что в боевых подразделениях АК действовала только относительно небольшая часть ее членов. Согласно приведенным В.С. Парсадановой данным, «чисто военные формирования, партизанские отряды, боевые группы АК, выполнявшие конкретные боевые задания, до весны—лета 1944 г. составляли менее процента ее общего состава. На рубеже 1943–1944 гг. они выросли до 4,5 тыс. бойцов и 6–7 тыс. [человек] в группах самообороны» [4. Ч. 1. С. 124]. Далее указывается, что «на пике» борьбы с гитлеровцами численность АК составила: 21 тыс. человек в Варшаве; 27 тыс. — в Люблине; 25 тыс. — в Радоме; 27 тыс. — в Кракове; 32 тыс. — в Силезии [4. Ч. 1. С. 125].

Однако уже при самом поверхностном анализе приведенные количественные данные вызывают недоумение. В первом случае (до весны 1944 г.) общая числен-

ность «бойцов» не превышала 12 тыс. чел. Через полгода «на пике» активности численность АК только в генерал-губернаторстве, то есть на этнографической территории Польши, превысила 100 тыс. чел., без учета группировки в Силезии и, главное, без учета сил АК, сосредоточенных на территории Западной Украины, Западной Белоруссии и Виленского края довоенной Польши. Если же принять в расчет, что, по данным, приведенным Парсадановой, 58 % численности АК было сосредоточено в генерал-губернаторстве и что доля командного состава здесь составляла 67 % (из них 24, 5% числились в главном штабе АК) то, очевидно, речь идет о боевых подразделениях, где половина участников были профессиональными военными военнослужащими — офицерами разных званий и унтер-офицерами [4. Ч. 1. С. 125]. Не углубляясь в дальнейшие подсчеты, отметим, что более чем десятикратный рост численности боевых подразделений АК за несколько месяцев в первой половине 1944 г. представляется явно нереальным (особенно принимая во внимание, например, острую нехватку вооружения).

Разумеется, приближавшееся освобождение Польши обусловило подъем движения Сопротивления, но столь стремительный рост численности его рядов с учетом пятилетнего массового террора гитлеровцев на оккупированных территориях выглядит более чем сомнительно. Недостоверность таких данных лишь подчеркивает приведенный в книге факт, что только в штабе АК в 1944 г. числился 1731 офицер [4. Ч. 1. С. 125]. Принимая во внимание деятельность на оккупированных территориях гестапо и других нацистских спецслужб, реальное существование подобной, тем более работающей, структуры не может не вызывать сомнения.

В.С. Парсаданова не анализирует ни источниковедчески, ни историографически источники приводимых сведений о численности и качественном составе организаций, участвовавших в движении Сопротивления, что представляется явно не лишним. Она заимствовала приведенные данные из польских документальных публикаций разного времени и современной польской научной литературы, где без должной критики, а временами и тенденциозно, воспроизводятся соответствующие материалы Армии крайовой и польского правительства в Лондоне, стремившихся преувеличить собственную роль в антифашистском Сопротивлении и международный «вес» польского правительства, представить западным союзникам, прежде всего правящим кругам Великобритании, в выгодном свете как свою деятельность, так и потенциал ориентированного на Лондон военно-политического подполья в оккупированной нацистами Польше. Среди прочего присутствовал и расчет на получение от Великобритании и США дополнительных денежных средств и вооружения. В.С. Парсаданова приводит сведения о субсидиях, выделенных АК английским правительством [4. Ч. 1. С. 125–126].

Правда, автор, указывая на имеющиеся расхождения в оценках численности АК, «призывает» читателей к осторожности и приводит откровенное свидетельство главного коменданта АК Стефана Ровецкого, что «число рядовых бойцов никогда не соответствует действительности» [4. Ч. 1. С. 133–134]. Однако следует признать, что масштабы преувеличений были, вероятно, существенно большими, нежели это отмечено в историографии и документах времени войны. В целом это не вызывает удивления, поскольку в условиях войны, так сказать, сводки с поля боя со всех сторон неизменно преувеличивали собственные силы и победы, как и поражения, и потери противника.

Важные наблюдения, также на основе польской историографии, В.С. Парсаданова делает по поводу организационной структуры АК. Она пишет, что, кроме «чисто военных формирований», существовали «политико-пропагандистские редакции и группы, юридические, судебные, сыскные, органы разведки и контрразведки», а также «организации в ряде случаев с прицелом на послевоенное функционирование». Это, например, были будущая полиция и даже военный корпус

службы безопасности, предназначенные для несения оккупационной службы в послевоенной Германии [4. Ч. 1. С. 124].

Если исходить из приведенного в книге соотношения (один к ста), военных и гражданских структур подполья, подчиненного польскому правительству, то численность всех этих организаций должна была бы составить не менее миллиона человек, что просто невероятно. В материалах германских оккупационных властей мы не встречаем следов информации о деятельности подобного размаха или о раскрытии такого рода крупных организаций. А это позволяет предположить, что и на этот раз мы имеем дело с очередной мистификацией, инспирированной агентами эмигрантского правительства и их находившимися в Великобритании шефами.

Однако примечательно, что некритически исследованные свидетельства подобного рода дали основание для практически господствующей в польской историографии весьма сомнительной концепции польского «подпольного государства», ставшей одним из краеугольных элементов «исторической политики» польских властей. Так называемое «подпольное государство», разумеется, прямо и, прежде всего, ассоциируется с Армией крайовой. В.С. Парсаданова обошла эту концепцию молчанием, однако, по сути дела, повторила, хотя и вкратце, основные аргументы в ее обоснование. Мы ни в малейшей степени не намерены поставить под сомнение подвиг польских патриотов – участников антигитлеровского движения Сопротивления. И на страницах монографии Парсадановой приводится немало соответствующих ярких фактов и впечатляющих свидетельств. Разумеется, нельзя не принять во внимание патриотических устремлений представителей польской общественной мысли в максимальной степени позитивно представить вклад своего народа в общую победу над фашизмом, в равной мере это характерно и для других стран антигитлеровской коалиции. Нельзя не учесть и традиционной для польского общественного сознания определенной «мегаломании» в оценке исторической роли и достижений Польши. Все это не могло не сказаться на тенденциях развития историографии, к чему зарубежные исследователи истории Польши относятся с пониманием и должным уважением.

Однако чрезмерное преувеличение масштабов деятельности АК и ее исторической роли преследует сегодня совсем иную цель и представляет иную тенденцию. Главной задачей современной «исторической политики» польских властей и следующих в ее русле современных представителей польской историографии стало обоснование тезиса об исключительной роли АК в польском Сопротивлении. Не отрицая, что АК была наиболее крупной подпольной военной организацией, нельзя согласиться с утверждением, что она объединила абсолютное большинство польского народа и стала его единственным легитимным представителем. Не соответствуют истории страны и тезисы, что АК и «польское подпольное государство» были единственным легитимным носителем польской государственности и внесли решающий вклад в освобождение Польши от гитлеровской оккупации. Все эти утверждения, временами косвенно, временами непосредственно, были в свое время и остаются в наши дни направленными против левых сил Польши, внесших отнюдь не меньший, чем АК, вклад в борьбу с гитлеровцами, что убедительно показано в работе В.С. Парсадановой. Указанные тезисы современной официальной польской публицистики и, в определенной мере, историографии направлены против Народной Польши и против СССР для обоснования сугубо политических обусловленных утверждения о так называемой послевоенной «советской оккупации» Польши.

Не меньшее внимание, чем Армии крайовой, уделила В.С. Парсаданова левым направлениям в движении Сопротивления и представлявшим его партиям и организациям от подпольных групп и объединений социалистов и людовцев (последние представляли крестьянство) до подпольных организаций возрожденной польскими коммунистами и идейно обновленной Польской рабочей партии (ППР). В этом

случае, в отличие от представленной на страницах книги политически и идеологически весьма аморфной АК, применительно к левым силам в монографии проведен тщательный и подробный анализ не только организационных структур, координировавших борьбу подпольных групп и партизанских отрядов, но и их политические позиции, стратегические цели и тактика борьбы. В.С. Парсаданова обосновала вывод, что ППР и ее союзники (возрожденные партии левых социалистов и крестьянских деятелей – людовцев) ориентировались на решение после войны двух главных задач. Во-первых, на кардинальные изменения социально-экономического строя и демократизацию политической системы Польши и, во-вторых, на переориентацию внешнеполитического курса страны путем отказа от враждебности к СССР и тесного взаимодействия с ним при сохранении союзов с Великобританией и США.

Согласно концепции В.С. Парсадановой, принципиальные расхождения позиций по социально-политическим вопросам и по вопросам стратегического курса на международной арене между левыми силами польского Сопротивления и правым лагерем, следовавшим политическим курсом польского правительства в Лондоне, определили их политическую непримиримость и невозможность объединения польского движения Сопротивления в борьбе против гитлеровских оккупантов. Еще зимой в начале 1943 г. это отразил провал переговоров между представителями правительства (Делегатуры) и АК, с одной стороны, и представителями ППР – с другой [4. Ч. 1. С. 178–181].

В главе, относящейся к периоду: лето 1943 – лето 1944 г., В.С. Парсадановой рассмотрен вопрос о планируемом командованием АК при одобрении польского правительства всепольском антифашистском освободительном восстании, предпосылками которого, по словам автора, названы «победы Красной армии», «начало кризиса фашистского блока», «подъем освободительной борьбы» в Польше и «организационное оформление двух политических лагерей» в польском антигитлеровском движении [4. Ч. 1. С. 219]. Главное внимание уделено двум последним факторам, повлиявшим на решение о подготовке восстания.

Очевидно, что изгнание гитлеровцев с территории СССР и приближавшаяся перспектива освобождения Польши от оккупантов советскими войсками при участии сражавшейся на советско-германском фронте в составе Красной армии 1-й Польской армии обусловили подъем движения Сопротивления в Польше. Наверное, повторение этой аксиомы было бы излишним, если бы не упомянутые выше современные негативные тенденции, вызванные «исторической политикой» нынешнего польского правительства.

Говоря об усилении антифашистской борьбы польских партизан и подпольщиков, В.С. Парсаданова приводит ряд свидетельствующих об этом сведений и, в частности, данные германских властей о том, что, ежегодно с 1942 по 1944 г. регистрировалось соответственно 1 333; 4 458 и 6 963 акции Сопротивления, что в ходе их подавления потери гитлеровцев составили соответственно 31; 190 и 1 018 человек [4. Ч. 1. С. 220]. Таким образом, в 1944 г., «на пике» движения на семь акций приходился один убитый (или раненый?) нацист. Разумеется, к числу этих акций относились также: распространение листовок, акты саботажа, диверсии против тех или иных объектов, не связанные с людскими потерями врага, и т.п. Однако даже с учетом этого, подъем освободительного движения выглядел, по сравнению с приведенными абсолютными цифрами, гораздо скромнее. Приводит автор и сведения о потерях среди участников движения, правда, только по Люблинскому воеводству [4. Ч. 1. С. 220]. Между тем, в польской научной литературе имеются такие данные, относящиеся к территории всего генерал-губернаторства за 1942, 1943 и 1944 г. [8. С. 26, 29–30]. Они подтверждают, что эти потери были весьма велики, что свидетель-

ствовало, с одной стороны, о героизме и готовности к самопожертвованию партизан и подпольщиков, а с другой — о массовости репрессий гитлеровцев и о предельной жестокости оккупантов. Однако оценить значение этих количественных данных (в частности, и приведенных В.С. Парсадановой) достаточно трудно, хотя бы уже потому, что невозможно установить, сколько людей пали в бою с врагом, а сколько стали безвинными жертвами карательных репрессий гитлеровцев. В.С. Парсаданова подчеркивает, что борьбу с движением Сопротивления гитлеровцы вели посредством «усиления террора и казней заложников» и под антикоммунистическими лозунгами. Они использовали распространенность среди польского населения антисоветских и антикоммунистических настроений, «приписывали ППР и Гвардии людовой», а также «советским диверсантам», все «крупные антиоккупационные действия, даже совершаемые Армией крайовой» [4. Ч. 1. С. 220]. Разумеется, каждый случай такого рода нуждается в конкретном изучении, однако возникает законный вопрос, не приписывала ли АК себе результаты действий «советских диверсантов» и не были ли в таких случаях правы нацистские следователи?

Обращаясь к вопросу о нацистских репрессиях в период с лета 1943 до лета 1944 г., В.С. Парсаданова, ссылаясь на свидетельства участников движения Сопротивления, отмечает, что среди методов подавления антигитлеровского сопротивления на оккупированных территориях были и действия гестапо, подстрекавшего украинских националистов к террору против польского населения, что является документально подтвержденным историческим фактом. Автор приводит сведения о создании гитлеровскими спецслужбами польских отрядов, предназначенных для борьбы с советскими разведывательными и диверсионными группами, а также с просоветскими, интернациональными по составу участников, партизанскими отрядами [4. Ч. 1. С. 220–221]. К сожалению, проявления коллаборационизма как самостоятельная научная проблема не получили в монографии В.С. Парсадановой более конкретного и глубокого рассмотрения.

Анализируя политические аспекты программных документов основных партий польского Сопротивления, В.С. Парсаданова констатирует, что произошедшее в 1943 г. кардинальное изменение в соотношении сил на советско-германском фронте побудило польское правительство и подчинявшийся ему лагерь движения Сопротивления перейти, во-первых, от демонстрации некой лояльности по отношению к СССР (как к «союзнику наших союзников» по антигитлеровской коалиции) к откровенно выраженному антисоветскому политическому курсу и, во-вторых — к давлению на позиции демократических мелкобуржуазных и реформистских сил (людовцев и социалистов) в движении Сопротивления. В итоге представители правых сил, прежде всего национальных демократов, по словам автора, «овладели утраченными позициями в политических органах и в АК» и принудили «руководство людовцев, а также социалистов» подписать 15 августа 1943 г. Декларацию четырех партий. В.С. Парсаданова расценивает этот факт как поражение демократов, прежде всего крестьянских представителей — людовцев в руководстве подпольем. Этот тезис автора, как представляется, нуждается в уточнении. Летом-осенью 1943 г. и в польских кругах в Лондоне, где распределение постов в новом правительстве произошло с перевесом в пользу людовцев и ППС, и в руководстве подпольем состоялся некий компромисс. О нем свидетельствовали, например, постановка в Декларации четырех партий задачи восстановления демократической Польши «образца до 1926 г.», а также обещание национальным меньшинствам установления после войны демократических свобод и равенства прав с польским этническим большинством. Что же касается присутствовавших в Декларации констатаций о защите Польши «от возможных попыток государственных переворотов, которые могут исходить из коммунистических кругов» [4. Ч. 1. С. 224–225], на что обратила

главное внимание В.С. Парсаданова, то они оставались только данью традиционной антикоммунистической риторике и отнюдь не свидетельствовали о якобы опасении правых, что их союзники из лагеря ППС и людовцев отважатся на какое-либо взаимодействие с коммунистами, тем более что руководители и людовцев, и социалистов никогда, особенно после сентября 1939 и апреля 1943 г., не испытывали симпатий ни к польским коммунистам, ни к СССР.

Провозглашенный в Декларации отказ от восстановления санационных порядков в послевоенной Польше мог быть лишь свидетельством того, что правые политики в руководстве подпольем (а это, прежде всего, национальные демократы (эндеки), располагавшие особым влиянием в АК) косметически корректировали тактическую линию, стремясь перехватить и присвоить себе лозунги своих левых оппонентов. В этом можно усмотреть подтверждение, что в условиях гитлеровской оккупации и нарастания движения Сопротивления для правых, и не только для них, выступило на первый план противостояние левому лагерю в лице ППР и формировавшихся подпольных организаций левых социалистов и левых людовцев.

Левая часть партийно-политического спектра польского движения Сопротивления как на оккупированной территории, так и в эмиграции включала в себя ряд самостоятельных политических организаций, позицию которых в 1943 г. достаточно подробно анализирует В.С. Парсаданова. Эта часть монографии имеет, несомненно, самостоятельную ценность, и остается только пожалеть, что композиция работы и соразмерность ее частей не позволила автору уделить этим проблемам больше внимания, тем более что в современной польской историографии история левицы практически игнорируется, а если и затрагивается, то подается явно тенденциозно через призму позиций руководства правого лагеря времени войны, отраженного в новейших антикоммунистических политических концепциях.

Центральное место среди левых сил принадлежало, несомненно, ППР, которая в 1943 г., как пишет Парсаданова, руководствовалась тактикой собирания демократических сил посредством контактов с низовыми и средними звеньями социалистов, людовцев и демократов (партийное руководство которых выступало в союзе с правыми. — *А.Н., Б.Н.*). Несмотря на неудачу переговоров с Делегатурой и АК, ППР еще летом 1943 г. «не оставляла надежды на соглашение с “буржуазной демократией в Польше” как аналог антигитлеровской коалиции в мировом масштабе» [4. Ч. 1. С. 237–238]. Однако уже к осени 1943 г. польские коммунисты пришли к окончательному выводу о невозможности сотрудничества с правыми из-за их неизменно враждебного отношения к СССР и к ППР. Ответом своим политическим антиподам стал ряд политических шагов коммунистов. Решающим на этом пути стало образование на рубеже декабря 1943 г. — января 1944 г. Крайовой рады народной (Совета национального единства). Как показала В.С. Парсаданова, этим актом завершилось к началу 1944 г. идейно-политическое размежевание в польском движении Сопротивления. Оформились два претендовавших на послевоенную власть противоборствующих лагеря. Это, утверждает автор, исключало не только тактическое взаимодействие в борьбе с гитлеровцами, но и в принципе единство их действий. Точнее было бы сказать, что это единство действий коммунистов с проправительственным лагерем было невозможно в целом.

В такой ситуации польское движение Сопротивления вступило в 1944 г. Теперь для правых сил актуальной и неотложной задачей стало всепольское антифашистское восстание. Идея командования АК о проведении «микротерриториальных восстаний — акция “Бужа”, которая, как буря, должна была пронестись по всей территории Польши по мере вступления туда Красной армии», получила документальное оформление осенью 1943 г. [4. Ч. 1. С. 232]. Однако осуществить план всепольского восстания не удалось. В.С. Парсаданова указывает на ряд причин провала этого замысла.

Во-первых, это отсутствие взаимодействия с наступающими советскими войсками и принципиальный отказ командования АК от сотрудничества с Красной армией. В полной мере это проявилось уже при освобождении Западной Украины и Западной Белоруссии, в особенности в ходе участия отрядов АК в боях за города Вильно (Вильнюс) и Львов [4. Ч. 2. С. 11–14]. На этот счет в новейшей польской, нередко случается и в российской, историографии излагаются недостоверные сведения. В действительности командование АК осознавало невозможность своими силами взять Вильно и Львов до прихода советских войск и поэтому стремилось лишь продемонстрировать участием в боях отрядов АК, что в этих важнейших политических центрах устанавливается власть, признающая над собой суверенитет лондонского польского правительства. Справедливость этого утверждения в полной мере характеризует приведенное в монографии высказывание У. Черчилля. Британский премьер, которого трудно заподозрить в просоветской необъективности, реагируя на протесты польского премьер-министра Ст. Миколайчика против разоружения отрядов АК по приказу советского командования, заявил тогда, что поляки своими действиями лишь демонстрируют антисоветскую позицию и «вместо отхода на Запад» «лезут на Виленщину и украинскую Волинь» «только для того, чтобы обозначить свое присутствие» [4. Ч. 2. С. 11–14].

Во-вторых, провал плана всепольского восстания был обусловлен непримиримыми противоречиями (правых и левых сил) в движении Сопротивления. Отмечая эту причину, автор констатирует, что хотя боевые действия польских партизанских отрядов, руководимых в основном коммунистами, осуществлялись в координации с действиями советских войск, однако и в этом случае они не привели ко всепольскому восстанию. Разумеется, в этом сказался раскол движения Сопротивления, однако, как следует из материалов рассматриваемой монографии, был и иной, не менее значительный фактор: для всепольского восстания польские партизаны и подпольщики-антифашисты не имели достаточных сил и средств, в частности вооружения. В.С. Парсаданова приводит и сведения о численности в 1944 г. Армии людовой — 55 тыс. чел., из которых в Люблинском воеводстве были дислоцированы 9 622 чел., то есть $\frac{1}{6}$ общего состава [4. Ч. 2. С. 16–17]. Именно близостью здесь советско-германского фронта летом 1944 г. и работой в Люблине с августа 1944 г. Польского комитета национального освобождения (ПКНО) и объясняется относительная детальность количественных данных именно по Люблинскому воеводству как сил АК, так и АЛ. Даже если приведенные цифры оценивать как достоверные, то и в этом случае сил АЛ было, очевидно, недостаточно для всепольского восстания.

В-третьих, нереалистичность планов всепольского восстания была обусловлена характером и темпами развития операций Красной армии на советско-германском фронте, когда «фронт прокатывался раньше, чем отряды АК (и партизанские формирования других политических сил. — *А.Н., Б.Н.*) могли сконцентрироваться для акции “Бужа”» [4. Ч. 2. С. 14]. Беспочвенность планов всепольского восстания только подчеркивала значение освободительной миссии Красной армии, без решающей роли которой было бы невозможно ни освобождение Польши от гитлеровской оккупации, ни восстановление польской государственности, ни обретение государственной территории страны в новых, международно признанных границах. Последнее имеет особое значение, поскольку установленные в 1945 г. и формально утвержденные в международно-правовом отношении границы современной Республики Польша и сегодня остаются важнейшим фактором безопасности как польского государства, так и устойчивости системы европейской и международной безопасности в целом.

Однако в 1944 г. польское правительство, его Делегатура на оккупированной нацистами территории и командование АК отвергали любой компромисс с СССР, что и послужило обоснованием одобренного 21 июля 1944 г. «польским» Лондоном

решения командования АК о восстании в Варшаве (1 августа – 2 октября 1944 г.) [4. Ч. 2. С. 43]. Вооруженное выступление отрядов АК в столице должно было удовлетворить искреннее патриотическое стремление поляков с оружием в руках нанести решающий удар гитлеровцам. Но одновременно оно должно было неоспоримо продемонстрировать главенствующую роль АК в движении Сопротивления и, главное, без участия Красной армии и сражавшейся с ней рука об руку 1-й Польской Армии освободить столицу, провозгласить восстановление Польского государства во главе с вернувшимся из Лондона в Польшу правительством.

Об авантюристичности планов лондонских эмигрантов и командования АК свидетельствует, в частности, приведенный В.С. Парсадановой малоизвестный историкам факт переговоров в конце июля 1944 г. в городе Юзефове командующего АК генерала Т. Бур-Коморовского с представителями германского командования [4. Ч. 2. С. 43–44] о сдаче немецким командованием Варшавы командованию АК. Не характеризуя эти переговоры во всей совокупности их политических и военных последствий, что сделано в монографии, отметим ряд принципиальных для оценки характера и целей восстания вопросов. Во-первых, любые переговоры с врагом без информирования об этом союзников по антигитлеровской коалиции, а Польша в лице ее правительства в Лондоне входила в ее состав, прямо запрещались основополагающими документами, регулировавшими взаимоотношения союзников. Во-вторых, подобный шаг, не будучи согласован с союзным командованием, не мог быть расценен ни в Москве, ни в Вашингтоне, ни в Лондоне иначе как предательство. В-третьих, переговоры свидетельствовали, что командование АК не рассчитывало на военный успех восстания и допускало сговор с гитлеровцами на антисоветской основе ради достижения собственных узкопартийных политических целей правого лагеря и лондонского польского правительства, пожертвовавшего ради их достижения общенациональной задачей освобождения Польши.

Согласно разработанному штабом АК плану восстания, командование рассчитывало при приближении к столице советских войск в ходе двух–трехдневных боев занять с минимальными потерями политически значимые объекты в городе, не препятствуя одновременно эвакуации и отступлению из Варшавы немецких войск, намеренно оставляя в руках гитлеровцев линии коммуникаций (железные и шоссейные дороги, а также мосты через Вислу. В покинутой нацистами столице руководство АК планировало, до вступления в город частей Красной армии провозгласить в Варшаве установление в Польше власти лондонского польского правительства [2].

Как подчеркивает В.С. Парсаданова, с оперативной и стратегической точки зрения план восстания в Варшаве был явно несостоятельным, поскольку немецкое командование максимально укрепило Варшавский район, ибо взятие города Красной армией не только угрожало немецкой группировке в Восточной Пруссии, но и открывало кратчайший путь к границам Германии и к столице Третьего рейха. К августу 1944 г. положение на советско-германском фронте не давало никаких реальных предпосылок для штурма Варшавы частями Красной армии и, более того, переход ее в наступление с целью овладения польской столицей заключал в себе опасность тяжелого поражения. Этот тезис единодушно разделялся военными – участниками и свидетелями тех событий. Признается он и современными военными историками [4. Ч. 2. С. 46–54].

Однако, вопреки объективным обстоятельствам, 1 августа 1944 г. сконцентрированные в Варшаве повстанческие силы, уступавшие противнику как численно, так и в вооружении, не говоря даже о наличии у немцев танков, артиллерии и авиации, атаковали германский гарнизон, вскоре усиленный резервными и снятыми с фронта регулярными частями. В.С. Парсаданова выделяет три этапа повстанческой борьбы: наступление повстанческих сил, период оборонительных боев и период капитуляции командования АК.

Как отметила автор, ни в период подготовки восстания, ни со времени его начала британские опекуны лондонского польского правительства не поддерживали восстание, помимо демонстративных, по существу малополезных акций по сбросу с самолетов небольшого количества оружия и продовольствия. Отдавая отчет в военной бесперспективности восстания, британские власти бездействовали, дабы не нарушить стратегических договоренностей с СССР, поскольку в случае конфликта со Сталиным из-за восстания в Варшаве, поднятого перед линией советского фронта, Британии грозили существенные политические осложнения и потери в ходе послевоенного урегулирования в Европе.

С самого начала борьбы повстанцев обнаружился порочный приоритет сугубо демонстративных политических целей командования АК в ущерб военной целесообразности: вместо захвата стратегических пунктов города (коммуникаций, в частности мостов через Вислу, и инфраструктуры) силы повстанцев были направлены к сейму, ратуше и другим административным зданиям, чтобы продемонстрировать взятие власти к ожидаемому прибытию из Лондона президента и правительства [4. Ч. 2. С. 61].

При этом руководство АК в восставшей Варшаве продолжало не признавать сил и организаций, представленных ПКНО. «Прямая направленность против “Люблина”, – пишет В.С. Парсаданова, – звучала в призыве не признавать самозванных правительств и комитетов, [...] те издают неправомочные декреты, не имея за собой ничего, кроме грубой силы». Вместе с тем, стремясь привлечь к борьбе на баррикадах и на улицах города широкие массы, в том числе рабочих и крестьян, руководители восстания провозглашали, что намерены воссоздать обновленную Польшу «общественной справедливости для людей труда» [4. Ч. 2. С. 89].

В.С. Парсаданова констатирует, что на практике в боях на улицах Варшавы, движимые патриотическими устремлениями и ненавистью к гитлеровцам, сражались плечом к плечу и правые, и левые. При этом, согласно оценке автора, это «не мешало нарастанию процесса концентрации вокруг ППР демократических и социалистических сил», что, по словам Парсадановой, было якобы расценено «советской печатью как свидетельство начинавшегося кризиса и распада Армии крайовой» [4. Ч. 2. С. 95]. Хотя тенденция подмечена автором верно, однако ее оценка явно опережала события. Трагический опыт Варшавского восстания, конечно же, не мог не сказаться на судьбе Армии крайовой, однако кризис АК растянулся на относительно длительный период. История Армии крайовой как организации и общественного движения, начиная с января 1945 г. и в послевоенное время, – предмет иного, отдельного исследования.

В.С. Парсаданова подробно разбирает вопрос о тактике гитлеровцев по подавлению Варшавского восстания, указывая, что стратегической целью германского командования летом-осенью 1944 г. было не допустить вступления Красной армии на территорию Германии, квалифицируя военные действия нацистов в Варшаве как весьма масштабную, но все же ограниченную карательными задачами операцию со всеми присущими действиям такого рода варварскими репрессиями. При этом против повстанцев использовались и отличавшиеся крайней жестокостью и мародерством карательные части и подразделения коллаборационистов и националистов, сформированные в основном из числа военнопленных [4. Ч. 2. С. 103–106].

Вместе с тем размах боевых действий в Варшаве, применение против повстанцев не только сил варшавского гарнизона, но и специально снятых с фронта частей, включая артиллерию, танки и авиацию, свидетельствовало, что германское командование все же рассматривало бои в Варшаве как существенный фактор борьбы на советско-германском фронте, хотя Гитлер и называл восстание спектаклем в Варшаве.

Обобщая итоги исследования собственно Варшавского восстания, В.С. Парсаданова называет его сложным и многоплановым явлением. «Это и политическая

провокация, военно-политическая преступная авантюра centro-правых сил, которые подняли его под флагом благородных идей во имя собственных интересов. Варшавское восстание — это борьба за власть в стране между двумя лагерями антигитлеровского движения сопротивления [...]. В восстании с самого начала присутствовала и далее все более выходила на первый план его антисоветская направленность» [4. Ч. 2. С. 163]. В частности, автор утверждает, что политически восстание «не соответствовало позиции крестьянства», которое как социальный слой и его боевые силы — Батальоны хлопские «не пошли на борьбу против СССР» [4. Ч. 2. С. 163–164]. Приведенный тезис имеет принципиальное значение, однако он так и остался не раскрытым в монографии.

Монография В.С. Парсадановой затрагивает ряд других, весьма существенных проблем, например, о позиции И.В. Сталина по польскому вопросу. По мнению автора, главной целью советской политики в заключительный период войны и при переходе к миру было установление безопасных границ и оформление советского «пояса безопасности» и влияния в Восточной Европе. Думается, что такая оценка правомерна, ибо она отражает подходы «Большой тройки» к послевоенному мироустройству на основе решений Ялтинской и Потсдамской конференций главных победителей и основателей ООН. Однако он требует уточнения, поскольку, помимо принципа мирного сосуществования «государств с различным общественным и государственным строем», внешняя политика СССР имела своим основанием «принцип пролетарского интернационализма», носителями и гарантами реализации которого выступали единомышленники советских руководителей — коммунисты, в данном случае польские. Без признания этого остается не проясненным отношение СССР к так называемой левой альтернативе послевоенного развития Польши и ряда других стран.

Многие существенные вопросы остались в монографии В.С. Парсадановой только обозначены, например о социальной базе и организационной структуре как правого, так и левого лагеря польского Сопротивления. В частности по этим вопросам в монографии содержатся порой противоречащие друг другу оценки, например это касается позиции крестьянства и роли людовского движения в правом и левом лагерях польского антигитлеровского Сопротивления. И все же, характеризуя монографию в целом, можно уверенно констатировать, что в ней воплощен не только индивидуальный вклад автора как исследователя и знатока описываемой эпохи, а также относящихся к последней исторических источников. В книге также нашли отражение и достижения российской историографии рубежа XX и XXI в. по такому существенному как для исторической науки, так и современной общественно-политической практики вопросу как история движения Сопротивления в Польше в годы Второй мировой войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012.
2. *Васильева Н.В.* СССР и Варшавское восстание 1944 г. — некоторые актуальные вопросы // Министерство обороны РФ / Ход войны. К 70-летию Победы // <http://mil.ru>
3. Советский Союз и польское военно-политическое подполье, апрель 1943 — декабрь 1945. В 3-х т. М., 2016. Т. 2. Ч. 1. М., 2018. Т. 1. Ч. 1. апрель 1943 — март 1944; Варшавское восстание июль—ноябрь 1944 г.
4. *Парсаданова В.С.* Варшавское восстание 1944 г. Движение Сопротивления в Польше 1939–1945 гг. Направления. Программы. Практика. Результаты. В 2-х ч. М., 2018. Ч. 2.
5. *Парсаданова В.С.* Советско-польские и советско-румынские отношения накануне Второй мировой войны // Вопросы истории. 1984. № 3.
6. *Парсаданова В.С.* Армия Андерса на территории СССР (1941–1942 гг.) // Новая и Новейшая история. 1988. № 5.
7. *Парсаданова В.С.* К истории катынского дела // Новая и Новейшая история. 1990. № 3.
8. Polska. Straty. 1939–1945. Straty osobowe i ofiary represji pod dwoma okupacjami. Warszawa, 2009.